

Цена 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 2

Раньше, чем охотник успел что-либо сообразить, слон о изумительной для его размеров быстроте повернулся, обхватил охотника хоботом и со страшной силой подбросил его в воздух...

Развлечение Ням-Тумбы

(К рисунку на обложке.)

Ням-Тумбе сделалось почему-то скучно. Весенний праздник с обезглавливанием пленных врагов, с надеванием их черепов на чашток, окружающий дворец, с пьanstвом, обжорством и прочими веселыми вещами — прошел. Новых праздников больше не предвиделось в течение целого месяца. Собственно говоря, Ням-Тумба мог бы такой праздник устроить хоть завтра, но, как старый и опытный правитель, он был твердо убежден в том, что не следует приучать подданных к частым праздникам: после праздников не очень хочется работать, а если народ Ням-Тумбы потеряет желание работать, это будет совсем не в интересах самого Ням-Тумбы.

Как бы то ни было, «могущественный» царь полугагарянского народа Ням-Тумба заскучал. Все царские советники, колдуны и наиболее испытанные воины были мобилизованы. Тому, кто придумает лучшее развлечение, Ням-Тумба обещал в жены одну из своих двадцати дочерей. Правда, намеченная в приз барышня была далеко не изящна, но все же великое умение умов царю в царском стане. Увидеть царю надо было во что бы то ни стало, иначе скука могла перейти в гнев и тогда... кто знает сколько жердей в окружающем дворце заборе пожелает великий властелин оставить свободными...

Один за другим входили мудрые мужи в шатер Ням-Тумбы и, пав на колени, тихим голосом излагали свои предложения. Ням-Тумба сидел на высокой бочке и пытался большим пальцем левой ноги подковырять у себя в зубах: он очень скучал.

Царь отсыпал все приходивших к нему. Ни одно предложение не пришлось ему по вкусу.

Наконец он встал и с посветлевшим взором вышел из шатра.

— Я хочу охотиться на слонов! — громко объявил он. — Но моя охота будет необыкновенна. Пусть самые искусные резчики вырежут из дерева фигуры слонов и охотников. Пусть слуги перенесут мой шатер вглубь лесов, а охотники заново натянут луки и наточат стрелы.

Приказ Ням-Тумбы был исполнен. Богато разукрашенный шатер его перенесли в лес и там поставили на берегу небольшой мутной речки. Фигурки слонов и «охотников» были выточены со всем искусством негритянских резчиков: слоны были похожи на крокодилов, а люди имели по три лапы и по одной ноге. Царь одобрил работу.

В тамаке, свитом из тростника, Ням-Тумбу несли в лес. Ликующие толпы народа сопровождали его, полные тайной надежды, что царя укусит в лесу какая-нибудь добрая змея, и он больше оттуда не вернется. Охотники, блестя на солнце намазанными маслом головами, изо всех сил ступали копытами по щитам, а впереди шел человек с большой ложкой в руке и лизнул ею по пустому обрубку бревна, висевшему у него на шее. Под эту сладостную музыку Ням-Тумба пролежал всю дорогу.

В шатре был разостлан ковер, на котором художники рисовали лес. Странные зверолоподобные деревья искусно чередовались там с не менее придуманными животными. Они все поодли друг друга, оставляя в недоумении только последнего, которого уже некому было съесть.

Царь расставил на ковре куклы, изображающие слонов и охотников, глубоко-мысленно осматрел их, поставил в новое положение, опять осматрел, и тогда только объяснил приближенным свои намерения.

— Пусть охотники найдут в лесу Большого Слона, — сказал он. — Большой Слон станет уходить, а охотники будут его преследовать. Но я хочу все время знать, что происходит. Для этого каждые две минуты ко мне будет приходить раб и рассказывать, что делают охотники и слон. По этим рассказам я буду представлять фигурки на ковре и всегда буду видеть, что делается в лесу. А когда я захочу, — трюном добавил Ням-Тумба, — я начну распоряжаться отсюда охотой, потому что положение охотников мне будет лучше видно здесь, чем самим охотникам.

Приближенные от восхищения лишились на несколько минут дара речи...

... Рассыпавшись по лесу, тридцать охотников двинулись через заросли к тому месту, где недавно видели стадо слонов. И одновременно тридцать уродливых деревянных фигурок двинулись в царском шатре по коврам.

Через час охотники встретили слона. Это был исключительный экземпляр. Его уши могли служить одеялами для семейства, состоящего из одного мужа, двух жен и трех детей. Каждая нога была не толще того бревна, на котором главный колдун отрубил головы строптивым подданным Ням-Тумбы. Одним словом, это был сам Большой Слон!

Первый залп стрел заставил слона повернуться головой к охотникам. При этом он случайно задел ногой дерево в две ступни шириной и сломал его, как тростинку. Слон глухо затрубил, двинулся к охотникам, но раздумал, повернулся и стал уходить...

Деревянный слон Ням-Тумбы поместился на ковре. Ням-Тумба подвинул в след за ним щеп одноногих и трехглазых чудовищ-охотников.

Хорошо зная слоновьи повадки, охотники сумели загнать жертву в специально выстроенный загон. На ковре Ням-Тумбы тоже был нарисован загон, и могущественный властелин безо всякого труда загнал туда указательным пальцем своего крокодилообразного слона.

Оставалось накинуть на ноги животного петли и прикрутить их к деревьям, но это было делом нелегким. Уже много смельчаков пытались приблизиться с веревками в руках к слону, но все они должны были стремительно спастись бегством от его далеко не ласкового хобота. Между тем, наступил вечер, сразу упала на землю темная тропическая ночь, и в небе загорелись яркие звезды. Охотники решили немного отдохнуть. У узкого входа в загон они разложили большой костер и усадили вокруг него.

В расчеты Ням-Тумбы вовсе не входило сидеть и смотреть на неподвижные фигурки. Узнав, что охотники никак не могут овладеть слоном, он решил, что пришло время показать свои стратегические способности. Подперев подбородок рукой, он устался на ковер, как шахматист на шахматную доску, и начал думать.

Уже взошла луна, уже становилось сыро и холодно в лесу, а царь все думал.

Поздно ночью он, наконец, что-то придумал.

Осторожно взял в руку одного деревянного охотника, заставил его обойти слона сзади и подползти вплотную к задним ногам животного. Слон, походивший на крокодила, не пошелся. В восторге от своего открытия, Ням-Тумба отдал приказ: одному охотнику подкрасться к слону сзади и накинуть на его заднюю ногу петлю. Ослушаться, конечно, было нельзя.

Был выбран самый ловкий, самый храбрый охотник — Рьякки. Когда ему рассказали план царя, он удивленно повернулся бешеными глазами до прощелоч. Попрошавшись с друзьями, которые смотрели на него, как на покойника, Рьякки, вооруженный лишь веревкой и ножом, нырнул в кусты.

Прибегая к тысячам различных ухищрений, Рьякки удалось оказаться сзади чуткого Слона. Осталось самое трудное: подползти к нему и набросить на ноги веревку. Мысленно прощаясь с жизнью, Рьякки двинулся вперед.

Сквозь листву мягко и загадочно светилась луна. Причудливые светлые пятна лежали на лужайке и медленно ползли по ней. Лес дышал пряными сырими испарениями. Посреди лужайки высился, как холм, огромный силует слона. Рьякки полз так медленно и так осторожно, что трава почти не шевелилась над ним. Издалека слышались беззвучные говор охотников. По уговору они должны были шумом отвлекать внимание слона.

Наконец, около самого своего лага Рьякки увидел тумбообразное задние ноги жертвы. Они медленно покачивались в траве, и трава под ними выминалась и жалобно хрустела. Затаяв дыхание, Рьякки размотал веревку и приготовил петлю. Теперь нужно было всего только ткнуть в заднюю ногу слона ножом, слон инстинктивно поднимет эту ногу и... опустит он ее уже в петлю охотника.

Но ничего этого не произошло. В тот короткий момент, когда Рьякки поднял руку с ножом, другая его рука соскользнула с сырого корня, о который она упиралась. Рьякки сделал отчаянное усилие, но подвернувшаяся ветка все-таки хрустнула под ковром. Этого оказалось достаточно. Рывком, чем охотник успел что-либо сообразить, слон и изумительной для его массивности быстротой повернулся, обхватил охотника хоботом и со страшной силой подбросил его в воздух.

На одно мгновение отпечатался на звездном небе, молочном от лунного света, высоко вскинувшийся, застывший в дикой перевернутой позе силует Рьякки... Острый, отчаянный крик рванул по лесу, и в следующее мгновение тяжелая ступня животного опустилась на охотника, раздавливала его...

... Ням-Тумба двумя жирными пальцами поднял одну фигурку охотника и, поморщившись, выбросил ее через входное отверстие шатра. Потом ткнул пальцем в ковер, изображавший лес:

— Вы видите, фигурки расположены очень неважно. Здесь куча охотников, там один слон. Это некрасиво. Пусть идет следующий. Когда одна фигурка движется к слону, тогда фигурки располагаются красиво, и моим глазам становится приятно. Ну, что же вы стоите? Ведь я приказываю...

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 2

6р. в год за сжем. журнал «Всем. Следопыт» с прил. 24 №№ «Вокруг Света», 12 №№ «Всем. Турист» и 12 многок. табл. «Народы СССР» на обл. журн. За границу подписная плата выше на 50 % За перемену адреса—20 коп.

Редакция и контора «Всемирного Следопыта» и «Вокруг Света»: Москва, Ильинка, 15. Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями, по I или II абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также письменно.

СОДЕРЖАНИЕ: Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение).—У лагерного костра. Приключения охотников в Абиссинии. Рассказ Г. Я и н а ш а.— Во власти полярной ночи. Рассказ Л а р с а Х о н с о н а.— Жюль Верн. (К столетию со дня рождения). Очерк Я. П е р е л м а н а. Остров драконов. Очерк Н. Л о б о в а.— М и х а и л е н к о.— Развлечение Нильс-Гумба (к рис. на обл.).—Всемирный Календарь.

10р. в год: журн. «Всем. След.» с прилож. (сверху указан. слева) 24 книг: докл. сов. соч. Дж. Лондона (1-я серия) ПОЛНОЕ РАССПРОСЧКА: при подписке—8 р., к 15 марта—3 р., к 15 июня—2 р., к 15 сент.—2 р.

ЧЕЛОВЕК—АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: В Южной Америке, на побережье Атлантического океана, недалеко от г. Буэнос-Айреса появилось несомненное существо, навядшее страх на рыбаков и искателей жемчуга. Никто не видел этого существа, но следы его находились повсюду: кто-то резал рыбацьи сети, сбрасывая ночью рыбу с лодок и т. п. На прибрежном песке нередко находили следы ступней с отпечатками котфей. Старые индейцы уверяли, что это—морской бог, выходящий раз в тысячелетие, чтобы восстановить поруганную справедливость на земле. Иные утверждали, что эта—морской дьявол. Вест о «дьяволе» дошла до Буэнос-Айреса, вызвав спо-

ров среди ученых. Береговая полиция и научная экспедиция нашли новые следы, оставленные дьяволом, но его самого не встретили. Печать, полиция и часть ученых решили, что все это—продлики какого-нибудь шутника.

Однажды ночью на шхуне «Медуза», принадлежавшей промышленнику—ловцу жемчуга испанцу Педро Зурита, вахтенный—индеец Балгазар услышал странный звук трубы, не похожий ни на один из знакомых ему звуков. Матросы прозудились. Их охватывает ужас, и они требуют, чтобы лодка жемчуга была перенесена на другое место.

Педро Зурита пришлось подчиниться. На по-

вом месте ныряльщик-индеец был достигнут акулой. Но в тот же момент появилось какое-то чудовище с огромными выпуклыми глазами, ягушечными лапами и рыбьей серебристой чешуей; оно вспорота акулу брюхо. Едва живой от страха, ныряльщик был извлечен из воды и рассказал о встрече с чудовищем. Зурита не доверяет его рассказу. Однако «морской дьявол» неожиданно появляется на поверхности воды, верхом на дельфине. «Дьявол» протрубил в длинную, витую раковину и крикнул на испанском языке, обращаясь к дельфину: «Скорей, Лизинг, скорей!» Испуганные искатели жемчуга поднимают якорь, и шхуна поспешно уходит на север...

III. Метель Педро Зурита.

Капитан «Медузы» удалился к себе в каюту, чтобы принести мысли в порядок и обдумать происшествие. — От этого с ума сойти можно,—проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды.— Морское чудовище, которое говорит на чистейшем кастильском наречии!..

Это чудовище, повидимому, чувствует себя одинаково хорошо в океане и над водой. И оно умеет говорить по-испански,—значит, с ним можно объясниться. Что, если бы?... У Зурита даже дух захватило.— Что если бы поймать чудовище, приучить и заставить ловить жемчуг! Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом какая выгода! Каждому ловцу жемчуга, как-никак,

приходится давать четверть улова. А жаба ничего не стоила бы. Вель этак, чорт возьми, можно нажать в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы золотых пезо '!)

Зурита дал волю своим мечтам. До сих пор он надеялся разбогатеть, найдя жемчужные раковины в таких местах, где они еще не добывались никем. Ехать в Калифорнийский залив или к островам Фомы и Маргерита, у берегов Венецуолы, где

1) Золотой пезо = 1 р. 87 к. (приблизительно). 100 золотых пезо = 227 бумажным пезо=100 долларам.

...«Дьявол» приплыл на дельфине, ухватившись рукой за «упряж»—за кожаный ошейник...

добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого нужно было иметь не такую «старую галошу», как его шуна. Необходимо также большая партия ловцов, — словом, нужно поставить дело на широкую ногу. Для этого у Зурита не было средств. И он принужден был «болтаться» у берегов Аргентины. Но теперь... теперь он мог бы обогатиться в один год, если бы только удалось поймать «морского дьявола».

Он станет богатейшим человеком Аргентины, быть может даже двух Америк. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя дон Педро Зурита будет у всех на устах. Но надо вести очень осторожную игру, и, прежде всего, сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу, собрал весь экипаж, вплоть до кока, и сказал:

— Вы знаете, какая участь постигла тех, которые распространяли слухи о «морском дьяволе»? Их арестовала морская полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видели «морского дьявола». Вас стноят в тюрьме. Понимаете? Поэтому, если дорожите своей, — никому ни слова о «дьяволе».

«Да, к счастью, им и не поверят, все это слишком фантастично», — подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, его одного посетил в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал капитана и, помолчав, ответил:

— Да. Это хорошо. «Морской дьявол» стоит больше сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе дьявола. Но как поймать его?

— Сетью, — ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорит брюхо акулы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? У наших ныряльщиков при одном слове «дьявол» подгибаются колени. Озолотите ловцов, — они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индец пожал плечами.

— Мне еще никогда не приходилось охотиться на морских дьяволов. Подстеречь и убить его — просто. Но, ведь, вам надо захватить его живьем.

— Но ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о «морском дьяволе»?

— А что я могу думать об акуле, которая ходит по лесу и смеется? Что я могу думать о летающем над

морем ягуаре? Неведомый зверь страшней. Но я не откажусь от охоты.

— Я щедро вознагражу тебя. — Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план:

— Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со своими аракуанцами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся наши, найди со стороны. «Дьявол» держится у берегов. Прежде всего, надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро приняли за осуществление плана. В Буэнос-Айресе, по указанию Зурита, изготовили из железного каркаса и проволоки вершу, похожую на бочку огромных размеров с открытым верхним днищем. Внутри этой верши Зурита укрепил еще несколько пеньковых сетей, чтобы «дьявол» запутался в них, как муха в паутине. Ловцы были рассчитаны. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев из племени аракуана принять участие в охоте на «дьявола». Еще троих он наберевал в Буэнос-Айресе.

Выслеживание «дьявола» Зурита решил начать в том заливе, где впервые увидел его. Чтобы не возбуждать подозрения «дьявола», шуна бросила якорь в нескольких километрах от небольшого залива. Зурита и его спутники от времени до времени занимались рыбной ловлей, — как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них, по очереди, прятаясь за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, продавал им по дешовке рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индец узнал, что место для выслеживания было выбрано правильно: многие индейцы, живущие вблизи залива, слышали звуки рога и видели следы ног на песке. По их уверениям, пятка «дьявола» была человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубления от спины, — «дьявол» лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали

обращать внимание на оставляемые им следы. Но видеть его никому не удавалось.

В начале третьей недели «дьявол», наконец, напомнил о себе.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, полную рыбой, у берега. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели. Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это дело лап «дьявола».

— Неужели он сожрал столько рыбы? — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев слышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой аракуонец сообщил Зурита, что ему, наконец, удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий, кожаный ошейник. В заливе «дьявол» снял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы.

Дельфин выплыл на поверхность и ушел в море.

Зурита, выслушав аракуанца, сказал:

— Сегодня днем «дьявол» едва ли выплывет из своего убежища. Надо воспользоваться случаем и осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Желающих опуститься на дно моря, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем, не нашлось.

Перед испытующим взглядом Педро все глаза опускались.

Неожиданно Бальтазар выступил вперед.

— Я опущусь на дно, — сказал он. — «Дьявол» не страшней акулы.

Все ловцы отправились к скале, у подошвы которой скрылся «дьявол». Бальтазар привязал на высоте своей груди веревку, чтобы можно было быстро вытащить его, если бы он оказался раненым, взял в руки нож, зажал меж ног камень и опустился на дно без водолазного костюма.

Аракуанцы с нетерпением ожидали его возвращения, глядя вглубь в пятно, мелькавшее в голубоватой мгле затененного скалами залива. Прешло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец, он дернул веревку и был поднят на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно, как в брюхе акулы. «Морской дьявол» мог

скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично, — воскликнул Зурита. — Там темно, — тем лучше. Мы расставим наши сети, и рыбака попадетя.

Вскоре после захода солнца проволочная верша была опущена на крепких веревках в воду и подведена открытым краем ко входу в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу. К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были зазвонить при малейшем прикосновении к верше.

Зурита, Бальтазар и пять арауканцев уселись на скале в молчаливом ожидании.

Темнота быстро стучалась. Серп месяца пролил на гладь океана тре-

пет своих лучей. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Бить может, сейчас они увидят сказочное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей жемчуга.

Медленно текли ночные часы. Нервное напряжение падало. Людей охватывала дремота.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, как под ударом электрического тока, бросились к веревкам и начали поднимать вершу. Она была тяжела. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот верша показалась на поверхности океана, а в ней, при бледном свете месяца, билось тело получеловека-полуживотного, сверкавшее большими глазами и серебром че-

шуи. «Дьявол» делал невероятное усилие, чтобы освободить руку, запутавшуюся во внутренней пеньковую сеть. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и торопливо стал резать сеть. Освободившись от веревочных пут, «дьявол» вонзил нож в проволочку..

— Не брезв ножичек? — торжествующе сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширил дыру, в то время, как ловцы спешили скорее поднять вершу на скалу.

— Сильнее! Скорее же! — кричал Бальтазар.

Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскал сверкавших брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили вершу. — Хороший нож! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших. Как бритва режет!

Дон Педро, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом резким движением Зурита поднял голову, дернул ус и топнул ногою.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я отступлюсь! Я не пожалею денег, я выпущу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, а ты не уйдешь от моих рук!

Зурита был смел, настойчив и упрям.

Недаром в жилах Зурита текла кровь испанских завоевателей!

IV. Доктор Сальватор.

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива проволочные заграждения, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но жертвами всех этих ухищрений были только рыбы, попадавшие в сети и капканы. «Морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Двуногий друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплывал в открытое море.

Освободившись от веревочных пут, «дьявол» вонзил нож в проволочку и ловкими движениями расширил отверстие...

— Кто он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита в изумлении высоко поднял свои чёрные, пушистые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар?

Индеец едва заметно улыбнулся.

— Я говорю то, о чем слышал.

Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— Отчего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что Сальватор держит в своих руках жизнь и смерть. Он может делать чудеса. Хромым он дает новые ноги, — хорошие, быстрые ноги, слепым — глаза, зоркие, как у коршуна. Он даже воскрешает мертвых, и они открывают глаза и начинают есть, пить и радоваться солнцу...

— Каррамба! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх усы. — В заливе — «морской дьявол», над заливом — бог, чародей... Не думаешь ли ты, Бальтазар, что «дьявол» и «бог» могут находиться в дружбе?

Бальтазар тряхнул головой, как бы отгоняя назойливую муху.

— Я думаю, что нам надо поскорее убраться отсюда, пока наши мозги еще не свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес...

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видал. Мне показывали человека, которому акула откусила ногу. Он побывал у Сальватора, и теперь этот человек бегает, как панду¹⁾. У него новая, живая нога. Я видел воскрешенного индейца. Когда его несли к Сальватору, этот индеец был холодный труп, с раскроенным черепом и мозгами наружу. Теперь он живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую девушку взял... И еще я видел детей индейцев...

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему из близких и далеких мест: с Огненной Земли и Амазонки, Параны и Ориноко.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес. Там ему удалось узнать еще кое-какие подробности о Сальваторе. Зурита не ошибся, предположив, что Сальватор — доктор, который лечит индейцев и пользуется среди наиболее невежественных племен славой чудотворца. Зурита обратился к знакомым врачам и узнал от них, что Сальватор не простой врач, но профессор, притом талантливейший и даже ге-

ниальный хирург, хотя человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди.

Имя Сальватора широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими чрезвычайно смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и профессора отказывались производить операцию, — вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. За время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями по трепанации²⁾ черепа.

Не один десяток тысяч человек обязаны ему своим спасением.

После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Хотя корыстолюбцем он никогда не был, однако, своей практикой Сальватор нажил огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной, — одно из чудачеств профессора, — и поселился там, прекратив всякую практику и занимаясь исключительно научной деятельностью в своих прекрасно оборудованных лабораториях. Единственно, кого он лечил и принимал — это индейцев, которые называли его вторым богом, сошедшим на землю.

Все эти сведения дополняли и подтверждали то, что узнал Зурита от Бальтазара.

Зурита удалось узнать еще одну подробность, касающуюся жизни Сальватора. На том месте, где сейчас нахо-

дятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Во время отсутствия Сальватора, уезжавшего на войну, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни один человек не пропускался этими неподкупными стражами во двор.

В настоящее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает к себе даже бывших товарищей по университету.

Собрав все эти сведения, Зурита решил:

Зурита ухватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь сломать железную преграду...

¹⁾ Американский страус, отличающийся быстротой бег.

²⁾ Трепанация — операция на костях, при которой часть кости выдвигается или выпиливается.

— Если Сальватор — врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне и не «заболеть»? Я проникну к Сальватору под видом больного, а там — там мы посмотрим!

Он отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Вздвешенный Зурита взял большой камень и начал бить им в ворота, подняв шум, который мог бы разбудить мертвых.

Где-то далеко за стеной залаяли собаки, послышались мягкие шаги, и волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорей! — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно ответил тот же голос и в волчке показалась чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не имеет права отказать в помощи больному! — горячился Зурита.

(Продолжение в след. №)

У лагерного костра

Приключения охотников в Абиссинии

Рассказ Г. Яннаша

Укротительница Мохак и ее спутники. — «Мадам Мохак всегда права». — Воинья пантомима Келлера или некоторые неудобства купания в обществе крокодилов. — Боб рассказывает о встрече с носорогом, а Тирей-Хейлу — об охоте на жирафа. — Один в колые птен. — Спасение.

Затканное бесчисленными сверкающими звездами, опустилось темносинее, покрывало тропической ночи над Северо-западной Африкой. Миллионы цикад заливались в листве. Лишь изредка разрывал протяжный крик хищника звучную тишину ночи. На темном небе резко выделялись очертания длинной Столовой горы, сурово и гордо высившейся над серой степью Огады, абиссинской провинции Сомали.

У подножья горы, где у неиссякающего источника отдыхают караваны, горячим ключом кипит человеческая жизнь среди молчаливой загадочной пустыни. Между гигантскими развесистыми акациями белеют палатки; полуголые и закутанные фигуры фантастическими группами окружают

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали неистово лаять. Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну и заперся в своей каюте.

Жаловаться на Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это не приблизит к цели. Зурита тряслось от гнева. Его черным усам грозила серьезная опасность, так как в волнении он немилосердно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что ему предпринять дальше. По мере того, как он думал, его коричневые от загара пальцы взбивали растрепанные усы все выше. Барометр поднимался!

Наконец, он вышел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Наконец-то! — сказал Бальтазар. — Пусть чорт поберет всех богов и дьяволов морских, земных и небесных!

и нигде, а отряд его головорезов может появиться сразу в нескольких противоположных направлениях.

Немного в стороне от большого лагеря раскинуто несколько европейских палаток. Пылает большой костер, и вокруг него сияет и мирно беседуют трое мужчин и одна женщина. Они познакомились в Хараре и решили из-за тревожных слухов вместе продолжать путь.

Мохак была известна всей Северо-восточной Африке — как неграм, так и европейскому ее населению. В свое время знаменитая укротительница, венгерка родом, она уже давно жила в Хараре на покое, держала для развлечения нескольких ручных львов и часто совершала охотничьи экспедиции в пустыню.

В простом охотничьем костюме цвета хаки, она мало отличалась от товарищей-мужчин. Двое из них были неразлучные братья Боб и Джэк, австралийцы-немцы, любители приключений, бывшие прежде охотниками за крупной дичью, а теперь превратившиеся в препараторов и коллекционеров нескольких европейских музеев. Третий, с резкими чертами лица, был швейцарец, по имени Келлер. Всей своей фигурой и лицом с остроконечной бородой он напоминал средневекового ландскнехта¹⁾. Переселившись в молодые годы в Южную Африку, он сражался там на стороне буров²⁾ против англичан и после многих превратностей судьбы очутился в Абиссинии.

Все трое охотников были средних лет. Они только что с жаром обсуждали возможность войны в Самалленде.

— Бросьте, пожалуйста, свои скучные споры, — обрвала их укротительница, которой изрядно надоел этот предмет разговора.

— Но о чем же тогда говорить? — проворчал Джэк, который любил подобные дискуссии.

— Было бы лучше, если бы вы рассказали о своих приключениях.

— Мадам Мохак совершенно права, — согласился Боб, старший из австралийцев, сидевший рядом с ней.

¹⁾ Наемный солдат в средневековой Германии.

²⁾ Бурь — народ голландского (отчасти французского) происхождения; населяют Капскую колонию, Оранжевую и Трансваальскую республики. Природные богатства этих республик — золото и алмазы — издавна привлекали к себе внимание британских капиталистов, и следствием хищнической политики прочно внедрившегося в Африку британского капитала явилась кровопролитная война 1899-1900 гг., из которой бурь вышли побежденными, а республики их вошли в состав британских колоний.

— Мадам Мохакс всегда права,— сказал Джэк, скользя насмешливым взглядом по лицу брата, который не обратил на это ни малейшего внимания.

— Келлер, вы начнете!— объявила венгерка швейцарцу, растущемуся около костра на выделанной шкуре антилопы.

Келлер кивнул головой и сел. Задумчиво затянувшись несколько раз из своей трубки, он начал:

— В девяностых годах я проезжал, возвращаясь из Наталя, через страну зулусов. Я направился в глубь страны, в торговое предприятие, ведавшее дела с туземцами, где получил место управляющего. Достигнув реки Черной, я расположился на отдых на небольшом пьеше брода, в тени громадной сикоморы, далеко простиравшейся над рекой ветви. Моя лошадь жадно щипала короткую траву на берегу, пока я с аппетитом уничтожал скромный завтрак. Покончив с ним, я разделся и пошел купаться, чтобы смыть пот и дорожную пыль. Я с детства был страстным любителем плавания. Река в этом месте образовала тихий глубокий затон, в который я нырнул, не тратя много времени на размышления.

Я с наслаждением плескался в свежей воде, когда вдруг услышал громкие крики, доносившиеся ко мне с противоположного берега. Я оглянулся и увидел человек шесть зулусов, мужчин и женщин, стоявших на берегу, размахивавших руками и неистово кричавших мне что-то. Но я был тогда еще новичком в Южной Африке и не понимал ни слова покафрски, поэтому я подумал, что случилось что-нибудь с моей лошадью. Но она попрежнему мирно ходила по берегу и щипала траву.

— Крокодилы! Много крокодилов!— услышал я, наконец, громкий голос, говоривший по-английски.

И почти в ту же минуту я заметил на гладкой поверхности воды, длинную, слегка зарыбившуюся, полосу, которая с тревожной быстротой приближалась ко мне. Этого было достаточно. Изо всех сил загребая руками, держа курс на ближайшую ветку сикоморы, низко свисшую над водой, я инстинктивно нырнул, чтобы неприятель не мог видеть меня, потом вынырнул, взмахнул раза два руками, подпрыгнул и повис на ветке в метре от поверхности воды.

Едва успел я подтянуть ноги, как огромная голова крокодила разрезала воду, и подо мной разверзлась его поистине необъятная пасть. Жадно впилась в меня коварные желтые глазки. С треском захлопнулись

страшные челюсти, и отвратительное чудовище исчезло под водой. И все! На все это жуткое происшествие понадобилось лишь несколько секунд, но холодная дрожь пробежала у меня по спине с головы до ног. Как зарожженный, судорожно охватив ветку руками, я ещё долго смотрел в глубину...

— Bravo, Келлер!— сказала укротительница, когда швейцарец кончил рассказ. — Ваша история — одна из самых страшных, которые я когда-либо слышала.

— Ну, после интересной водяной пантомимы Келлера, ты непременно должен рассказать о своем акробатическом выступлении на реке Саган,— сказал Джэк, насмешливо глядя на старшего брата.

— Да, тогда мне было не до смеха,— рассмеялся тот.

— Выпаливайте!— приказал укротительница.

И Боб начал:

— Приблизительно год назад мы находились в Юго-западной Африке,

на среднем течении реки Саган. Эту местность избегают туземцы Галласа и абиссинские охотники, как из-за свирепствующих там лихорадок, так и из-за растущей там ядовитой травы, от которой все домашние животные умирают через несколько часов. По этой-то причине мы и разбили лагерь на значительном расстоянии от реки на холме и пускали мулов и ослов к воде только под строгой охраной. Крупной дичи там было множество. Англичанин сказал бы, что «там положительно пахло буйволами и носорогами». Но мы явились туда не за крупной дичью, а с целью составить коллекцию птиц по заказу одного музея.

Я только что подстрелил на берегу несколько птиц и возвращался после удачной охоты в лагерь. И вдруг в высокой траве я увидел, что мой путь пересечен буйволовым следом. Не теряя ни минуты, я отдал проводнику ружье, взял у него тяжелый 11-миллиметровый маузер и пошел по следу, который, по всем

Пень с треском ломается... я описываю в воздухе над буйволом дугу—и падаю в траву...

признакам, был оставлен одним животным. «Это будет отличный экспонат для музея!» — думал я про себя.

Немного дальше я натолкнулся на совершенно свежий помет. Мой проводник с ружьем совсем посерел от страха, и мне, надо сознаться, стало тоже не по себе...

— За что вас никто не осудит, — присовокупила укротительница, дружески похлопав Боба по плечу.

— Я велел проводнику остановиться, — продолжал Боб. — Каждый лишний шаг мог поставить нас лицом к лицу с буйволом, при чем, конечно, мы оказались бы далеко не в выигрышном положении. Но тут мой взгляд упал на покосившийся засохший пенёк, который торчал в нескольких шагах от меня из высокой травы. Чудесно! Я тихо подкрался к нему и осторожно исследовал его прочность. Он стоял достаточно твердо, чтобы выдержать мой вес. Стараясь не делать ни малейшего шума, я взобрался на этот пьедестал, чтобы осмотреться кругом..

И вот, не больше чем в двадцати метрах от себя я обнаруживаю в высокой траве темную линию. Это, верно, он! Ветер дует в благоприятную сторону. Я прицеливаюсь в то место, где у него должна быть лопатка. Вдруг дерево предательски трещит подо мной, и над травой тревожно поднимается огромная голова. Пора! Я стреляю. Великан качается. Я хочу дать второй выстрел, но животное в бешеном гневе бросается на меня, и я едва успеваю всадить ему заряд в спину между лопатками. Чудовище в несокрушимом бешенстве буреи пронисится подо мной. Пень с треском ломается, я описываю в воздухе над буйволом дугу — и падаю в траву.

Не потеряв никаких повреждений, я тотчас же сажусь и осматриваюсь, ожидая каждую секунду нового нападения. Ружье, брошенное проводником, оказывается в нескольких шагах от меня на земле. Я с торжеством хватаю его и заряжаю. Кругом тихо. Держа ружье наготове, я крадучись пробираться по траве.

В тридцати шагах от места моего падения я нахожу издыхающего буйвола. Безопасности ради я делаю еще один выстрел.

Как я обнаружил после, первая пуля прошла слишком высоко, контузив череп, вторая же попала в позвоночник...

Слушатели с напряжением следили за рассказом.

— На волосок от смерти, — сказал швейцарец.

Одобрительный взгляд укротительницы скользнул по мужественной

фигуре Боба, который поднялся, чтобы зажечь горящей веткой потухшую трубку.

Из темного пространства к костру в это время подошел абиссинец, закутанный в белое покрывало. Это

— Да, он неохотно рассказывает эту историю, — согласилась венгерка, которая давно знала Хейлу. — Это — страшная история.

Но охотники потребовали, чтобы абиссинец непременно рассказал ее,

Как недостижимый мираж, мчались передо мной длинноногие жирафы. Я знал, что мой конь не мог долго выдержать такую скачку и ухватился за револьвер...
О, ужас! — кобура оказалась пустой...

был худой пожилой человек с бородой и орлиным носом. Старик сильно хромал и опирался на копыце.

— Все в порядке, — сказал он кланяясь с тем величием, которое свойственно коренным абиссинцам.

— А! Тигре-Хейлу! — приветствовали его охотники. — Присядь и отдохни с нами.

Подошедший молча опустился на землю. Это был уроженец северной Абиссинии, но никто лучше его не знал степей юго-восточной части страны, и поэтому он был приглашен охотниками в качестве проводника и старшего над носильщиками.

— А известно ли вам, — спросила укротительница, — каким образом Тигре-Хейлу стал калекой?

Все отрицательно покачали головами, только Джэк сказал:

— Я как-то спросил его об этом, но он ответил мне коротко, что это следствие падения с лошади.

и он не счел возможным отказаться.

Долго и задумчиво смотрел он на огонь. Темная тень тяжелых воспоминаний легла на его обычно бесстрастное лицо. Потом, глубоко вздохнув, он заговорил на арабском языке, который был понятен всем присутствовавшим:

— Несколько лет назад в Харар приехал немец, который занимался ловлей, диких зверей для продажи европейцам. Я поступил к нему в помощники и вскоре так освоился с делом, что стал продолжать его потом за свой счет. Поиманных зверей я перепродавал ему же. Особенно ценил он крупных.

Мне удалось подобрать себе нескольких помощников, так как дело давало хорошие барыши. Через три месяца у нас была уже изрядная коллекция животных — молодых зебр;

львов, леопардов, антилоп и много всякого другого более мелкого зверя. Особенно хорош был молодой носорог, ручной, как теленок. Дела наши шли превосходно. Одно только никак не удавалось нам — это изло-

чем ближе мы подъезжали к месту, описанному пастухом, тем острее скрывались за кустами и деревьями, которые росли в этой степи. И вот, наконец, в подкилометре от себя, я увидел над кустами

держат такую скачку. Я ухватился за револьвер и... о, ужас! — кобура оказалась пустой. Оружие вылетело, очевидно, во время бешеной скачки. Оставалось только одно — отрезать молодую жирафу от матери и накинуть ей на шею лассо. Мне удалось приблизиться к ней шагов на десять, она с трудом поспевала за матерью.

Но в это время старуха вдруг остановилась на всем скаку. Ее задние ноги откинулись назад, и жесткий удар пришелся прямо по передней лопатке моего скакуна. Мы оба полетели на землю...

• Я очнулся, ощущая сильную тяжесть в голове. В глазах у меня бегали искры. Были сумерки — все мое платье было в крови... кругом пустыня... лошадь исчезла...

— У-и! — донесся до меня протяжный вой гиены.

Я опять ухватился за кобурку и тут же с ужасом вспомнил, что револьвер потерян. Со мной остался только широкий охотничий нож, — немного, но на крайний случай годится. При падении я сильно расшиб себе голову, во всем теле чувствовалась сильная боль, ноги онемели.

Я хотел подняться, но острая боль в ноге заставила меня немедленно опуститься на землю.

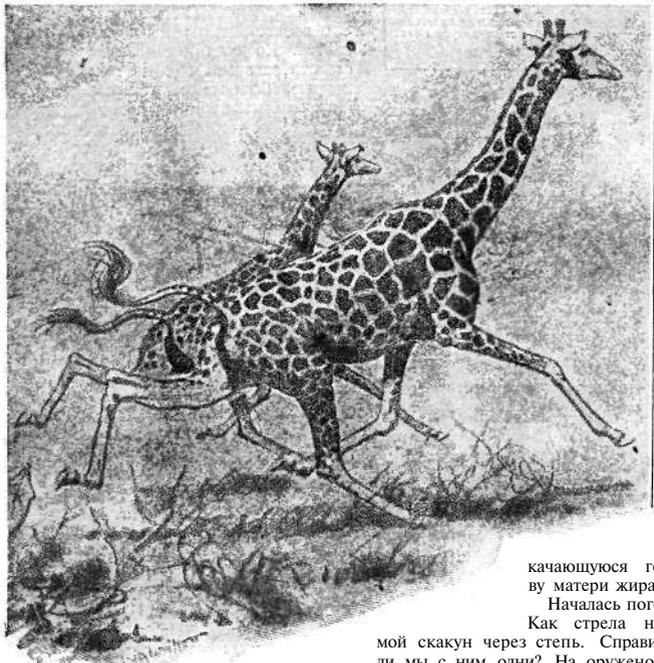
— У-и! У-и! — выла гиена где-то недалеко. Вскоре к ней присоединился целый хор. Отвратительные твари надвигались на меня со всех сторон. Я был один против них безоружный, со сломанной ногой, ночью, в пустыне, где никто не мог прийти мне на помощь. Вскоре я уже ясно мог разобрать силуэты голодных гиен, наступавших на меня. У меня волосы стали дыбом. Надеяться на спасение было нечего...

С наступившей темнотой гиены делались все более дерзкими и все ближе подступали ко мне, шелкая зубами и сверкая жадными глазами. С ножом в руке я сидел и ждал конца, готовый продать жизнь как можно дороже. Я уже слышал отвратительный запах этих тварей.

Но что это? Сплю я, или это происходит на яву? Недалеко от меня раздается выстрел. Это выстрел из моего маузера! Мой верный оруженосец приблизился ко мне на своей кляче. Я еще раз напряг изменявшие силы и громко крикнул. Но это стоило мне слишком больших усилий, и я вновь потерял сознание.

Когда я очнулся, около меня был костер, голова моя лежала на коленях моего спасителя.

Гиены выли где-то далеко...

качающуюся голову матери жирафы.

Началась погоня.

Как стрела несся мой скакун через степь. Справимся ли мы с ним одни? На оруженосца, ехавшего на кляче, я, конечно, не мог рассчитывать. Молодая жирафа была уже достаточно развита, чтобы поспевать за матерью. Но моим коном овладел боевой пыл. Он несся все быстрее и быстрее, силы его точно прибывали. Все скорее приближались мы к жирафам. Я оглянулся назад — оруженосца моего уже не было видно. Но расстояние между мной и моей добычей больше не уменьшалось. Молодая поняла опасность и стойко держалась около матери. Как недостижимый мираж, мчались передо мной эти длинноногие животные.

Так долго не могло продолжаться. Надо было решиться. Я хлеснул своего скакуна, и чудесное животное нашло в себе силу надавать ходу. Наконец я очутился шагах в пятидесяти от добычи. Молодая жирафа начала утомляться и отставать от матери. Это был для меня удобный момент покончить со старухой, потому что мой араб не мог долго вы-

вить молодую жирафу. А этого моему попутателю хотелось больше всего.

Дело, однако, казалось безнадежным, потому что срок сдачи животных прошел, и наша партия была приглашена целиком для перевозки зверей на ближайшую железнодорожную станцию.

Накануне отъезда мимо нашего лагеря прошел пастух со стадом верблюдов, который рассказал мне, что видел всего полчаса назад самку жирафы с теленком.

Солнце уже склонилось к западу, и раздумывать было некогда. Из десятка лошадей, которых мы взяли с собой, почти все погибли от укусов мухи це-це; остались лишь две, которые едва таскали ноги. Приходилось брать мою охотничью лошадь, которую мне недавно привели с гор. Не долго думая, я оседлал ее и велел мальчику — оруженосцу сопровождать меня на одной из больших лошадей.

ВО ВЛАСТИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Полярный рассказ Ларса Хонсена

Ларс Хонсен родился на северном побережье Норвегии и с самых ранних лет ходил в море. В молодости он был охотником за медведями и лисицами, лотом охотился на тюленей и стал, наконец, владельцем нескольких полярных китоловных судов. После войны он потерял во льдах океана пять судов, и потому в 1920 году снова отправился на Аляску в качестве охотника за пушным зверем... а потом начал скупать меха у индейцев и эскимосов на Алеутских островах. Во время одного из путешествий по Соединенным Штатам, 55 лет от роду, он стал писать рассказы, один из которых мы здесь приводим.

Кнут Реберг опять поселился в той хижине, где он уже раз зимовал. Она стояла на низменном полуострове, в Горнзунде, на Шпицбергене. Три года назад он поймал там 186 медведей и свыше 200 песцов и полярных лисиц. Но теперь было уже 8 января, а у него было лишь 9 медведей и 16 лисиц.

Кнут дремал в низенькой хижине, которую почти совсем занесло снегом. Он был один. Генри ушел осматривать капканы...

Ввела метель. Снег завалил хижину с крыши, и из-под него торчала только одна печная труба; по этому внутри выгола была почти незаметна...

Внезапный порыв ветра с ревом ворвался через трубу. Кнут вскочил, подбежал к двери и хотел было открыть ее. Но едва он снял крючок, как ветер с силой распахнул дверь настежь и с треском ударил ее о стену. Снег ворвался вихрем и грозил заполнить всю хижину.

Кнуту с большим трудом удалось закрыть дверь и наложить крючок. Он смел снег с постели и стал думать о том каково-то теперь при-

ходится Генри. Когда метель приходит так внезапно, украдкой, как ночной вор, трудно человеку уцелеть в ледяной пустыне...

День прошел, и ни один звук не нарушил тишину. Кнут несколько раз пытался снять крючок и посмотреть, какова погода, но в хижину тотчас же врвалась острая, как нож, струя ледяных кристаллов. Кнут всю ночь просидел, прислушиваясь.

К утру он заметил, что ветер немного утих. Оделся и решил идти искать Генри. Два часа пришлось потратить на то, чтобы прорыть выход из хижины. Устроив траншею, Кнут привязал лыжи и отправился в путь.

Он переходил от ловушки к ловушке—никаких следов Генри. Лисьи капканы были засыпаны снегом. Он проходил целый день. Когда настал вечер и заиграло северное сияние, он вернулся домой, одинокий и усталый. На спине у него были два замерзших песца. Пять лет назад он таким же образом потерял товарища и хорошо знал, что такое одиночество...

Вернувшись в хижину, Кнут сварил кофе, достал маргарин, сухари и сушеную оленину и поел. И все время думал о том, что его ожидало.

«Будет очень странно,—думал он,—если медведи и лисицы не отроют Генри, чтобы полакомиться им. Это произойдет если не сегодня, то завтра. Но если мне удастся проследить за ними, я найду его и похороню. Если же он заблудился и вышел на морской лед, дело будет труднее, но только Генри вряд ли это сделал, если он не потерял рассудка прежде, чем упал от изнеможения. Так случилось с Сереном Антонсенем. Четыре года назад он отправился через Горнзунд. Когда его нашли, он был в полном истощении и сошел с ума...».

Дело шло к весне. Каждый день, когда только позволяла погода, Кнут выходил из хижины и искал следов Генри. Но ничего не находил...

Настал март. Взяв с собой однажды ружье и подзорную трубу, Кнут отправился в путь. Он прошел около двух километров по плоской равнине, потом местность поднялась в гору. За ним, прямой досыная двойной колеи, тянулся лыжный след. С вершины первого холма *перей*, ним открылся широкий вид на пустынное пространство, покрытое снегом. Кнут развинул трубу, укрепив ее на прикладе воткнутого в снег ружья, и начал осматривать окрестность. Прежде всего он поймал в поле зрения свою хижину, и когда увидел, что из трубы все еще выходит прозрачный дымок, с грустью сказал про себя: «Можно подумать, что там люди... Но там нет никого—ни души...».

И он повернул трубу. С искусством, которое дается лишь ежедневным упражнением, наводил он ее постепенно на все уголки снеговой равнины. Но вот труба надолго остановилась на одном месте. Кнут смотрел и смотрел на одну точку. «Наверное, там,—думал он,—наверное, он там...».

И он побежал дальше, зарядив ружье...

Он скользил почти беззвучно по искрившемуся снегу вниз по крутым склонам, быстро, как стрела. Держал ружье наготове и не сводил глаз с серых скал по ту сторону фиорда. И вдруг резко затормозил лыжи, поставив их поперек. В десяти метрах от него зарывался в рыхлый снег белый медведь. Из снега торчала лишь задняя половина туловища. Кнут стал на одно колено и взвел курок. Но тихого треска, по-

В рыхлый снег зарывался белый медведь...

слышавшегося при этом, было совершенно достаточно. Медведь тотчас же начал пятиться обратно. В ту минуту, когда показалась его голова, Кнут выстрелил, и медведь упал.

Кнут сейчас же отвязал лыжи и сам полез в вырытую медведем нору, отколов лыжей огромную обледенелую глыбу. Когда он отвалил глыбу, показалась маленькая пещера, и он нашел в пещере то, что он искал. Там сидел Генри, замерзший; одной рукой он оперся на колено, а в другой держал замерзшую лисицу...

Поздно вечером Кнут вернулся домой. Он нес на спине Генри и шкуру медведя, а замерзшая лисица болталась у него в ногах...

Когда земля на берегу фиорда немного оттаяла, Кнут отнес туда труп своего друга. Он приготовил там могилу — груды тяжелых камней. Отогрев на солнце тело Генри, он выпрямил его и положил, как подобало, в могилу. Потом снял фуражку, закрыл могилу двумя тяжелыми плитами и пошел домой...

В августе Кнут отправился в Бельзунд. Оттуда он послал все добытые шкуры жене в Тромсе, в Северную Норвегию. Он послал и письмо, в котором писал:

«Милая Карин! К сожалению, я в этом году не вернусь домой. Генри Гансен умер. Его зимой застала метель во время осмотра ловушек. Добыча была плохая. Посылаю тебе 16 медвежьих шкур, 14 песцов и 6 полярных лисиц. Продай их. Этих денег тебе, наверное, хватит на год.

«Я не приеду домой, потому что это потребует лишних расходов. Если продержусь здесь еще год с оставшимся провиантом, тогда мы на будущий год поправимся, если все обойдется благополучно.

«Я здоров и бодр. Желаю тебе веселых праздников и хорошего Нового года. Твой Кнут».

Слав посылки, Кнут выменял себе немного провианта и вернулся в свою хижину на Горнзунде...

* * *

Когда настала зима, он привел в порядок все капканы и расставил их. По несколько дней подряд приходилось ему просиживать, не выходя из хижины. Однажды, около Нового года, он провел в заточении почти три недели. Холод в это время был так силен, что даже в хижине, которая была на целый метр засыпана

На белоснежном просторе — ни одного человеческого существа...

снегом, можно было согреться лишь у самой печки.

Но лов был хороший. Он в один день нашел по медведю во всех шести капканах и тринадцать песцов...

Одиночество начало оказывать на Кнута свое влияние. Молчаливая бесконечность полярной зимы начинала угнетать его. Он сознавая, что надо напрячь всю силу воли, чтобы не потерять рассудка в этой ужасной тишине. Дни и недели тянулись так медленно, что порою его охватывало отчаяние.

Когда дело стало приближаться к весне, Кнут подметил, что он как будто спит целый день, хоть и держится на ногах. Однажды он заметил, что у него окончательно исчезли из памяти, по крайней мере, два дня и две ночи. Он заметил это потому, что в его дневнике неоставалось двух дней. Где он был эти дни и что делал — он не знал. Но когда очнулся, то увидел перед окнами хижины мертвого медведя. В стекле было отверстие, доказывавшее, что он застрелил медведя через окно. Тогда Кнут очень смутно припомнил, что убил медведя, который пытался забраться к нему в хижину.

Снимая шкуру с медведя, обдумал все это. Увидел, что одна пуля попала медведю в глаз, а другая в бок — и прошла в сердце. Измерив приблизительно расстояние между обеими ранами, пошел искать в стене отверстие, которое должна

была пробить его вторая пуля, и нашел его в бревне, прямо под окном. Но как это все произошло — он не мог припомнить...

Начало мучительное существование изо дня в день. Наконец настала весна, а потом — лето. Когда пловучий лед поредел, Кнут перетащил все шкуры в лодку и отправился в Бельзунд. У него было 28 медведей, 26 песцов и 22 полярных лисицы. На две шкуры он выменял провианта на целый год, а остальные послал жене с коротеньким письмом, в котором говорилось, что он и на этот раз не придет домой, потому что лов был не так удачен, как он ожидал. Но для нее и ребенка вырученных денег хватит.

Исполнив все свои дела, Кнут погрузил провиант в лодку и вернулся в свою одинокую хижину на Горнзунде...

* * *

Когда жена Кнута, Карин, получила его письмо, она после долгого раздумья решила отправиться на Шпицберген сама и захватить с собой маленького сына. Она знала: молчаливая власть полярной ночи завладела душой мужа. Если она сейчас не уездет Карин отсюда, он никогда не вернется к ней.

Она вспомнила про Оскара Ольсена, который семь лет провел на Шпицбергене. Оскар не смог преодолеть очарования полярной зимы. Пять лет жил совсем один в укрытой пеленой снегов хижине. Ни-

когда не приезжал домой, не хотел приезжать. Те, кто встречал Оскара на Шпицбергене, рассказывали, что он не хотел ни с кем говорить. Когда он приходил на пристань, чтобы отослать шкуры домой, где у него была жена и пять человек детей, он едва обменивался несколькими словами с капитаном и исчезал опять. Ольсен ни разу не согласился поехать вместе с остальными, отказывался даже от чашки кофе, ему хотелось как можно скорее уйти к себе, в свою одинокую хижину.

То же будет и с Кнудом, если она не съездит за ним. А если он не захочет вернуться — ну, тогда она останется там с ним, и мальчик тоже!..

Кнут Реберг был очень удивлен, когда жена и сын появились в Горнзунде. Карин сейчас же поняла, что она не ошиблась, Кнут почти не говорил уже. Он стал совсем другим человеком. Ему хотелось быть всегда одному.

Но хижина была так мала, что им нельзя было оставаться в ней троим на зиму. Кнут с этим согласился. Они набрали бревен, которые течением пригоняет к берегу, и сколотили пристройку. Через месяц у них была хижина вдвое просторнее прежней.

В течение всей зимы, Карин старалась разбудить в сердце мужа тоску по прежней жизни.

Она работала долго и обдуманно, делала величайшие усилия, но все казалось бесплодным...

* * *

Это было за несколько дней до Нового года. Был ясный, тихий, но очень морозный день. Карин стояла у двери хижины с прикрепленными к ногам лыжами. Сегодня была ее очередь осматривать капканы.

Отличные скользкие березовые лыжи быстро понесли ее по пустынным равнинам. Она уже осмотрела шесть капканов и нашла в одном из них — на берегу фиорда — лилицу. И вдруг, за громадной льдиной она увидела тюленя, который не заметил ее.

Бесшумно зашла она к нему с правой стороны, и остановилась. Потом осторожно опустилась на колени и выстрелила. В ту же минуту она упала вперед на свои лыжи и осталась неподвижной. На белом снегу появилась небольшая красная струйка — в том месте, где лежала ее голова...

У Кнута был готов ужин. Становилось поздно. Карин уже давно пора было вернуться. Чем дальше

Кнут ждал, тем чаще выходил из хижины и осматривал горизонт. Прошло семь часов, восемь... Кнут уложил мальчика, и тот крепко спал в теплой оленьей шкуре. В половине девятого Кнут в последний раз посмотрел на спящего мальчугана и вышел из хижины.

Ночь была великолепная, звездная. Северное сияние играло так ярко, что он видел далеко, до самого выхода из фиорда. Но на всем белоснежном просторе не выдилось ни одного человеческого существа.

Он стоял и смотрел, и вдруг его мозг пронзила мысль, что Карин никогда не вернется. При этой мысли он как-то вдруг очнулся: новые, забытые чувства проснулись в его сердце. Он вдруг сделался прежним Кнудом, который мог тосковать о своем товарище.

— Что же случилось? Какой же я был все это время? Только бы не поздно, только бы не поздно...

На лбу его выступил пот. Он чувствовал, что внутри его все кипит. С лихорадочной поспешностью привязал лыжи и взял ружье и подзорную трубу. Как волк, слышащий за собой погоню, помчался по следам Карин.

Он несся как безумный. У подножья небольшого холма миновал первый капкан. Никого! Понесся к второму, к третьему, к четвертому... Дальше, дальше... Наконец добежал до капкана на берегу.

Там она и лежала на снегу, упав на лыжи. Он подбежал к ней и поднял ее. Сейчас же понял, что случилось. Выстрел разорвал ружье, потому что в дуле был снег.

Когда он поднял ее, то увидел на снегу большое кровавое пятно. Кровь струилась из небольшой ранки, видневшейся между воротником оленьей куртки и ухом. Но Карин была еще жива. Он растегнул ей куртку. Кусочек стали от ружья за-

Кнут воткнул лыжи жены в снег и взвалил ее на свою широкую, сильную спину.

Две молодых лисички бегали и играли на палубе.

сел в плече. Длинная рана шла от шеи до лопатки. Он снял с себя куртку и сорочку, изорвал ее на полоски и забинтовал рану, потом воткнул лыжи Карин в снег, надел свои и взвалил жену на свою широкую, сильную спину...

К утру он вернулся в хижину. Карин была все еще без сознания, когда он внес ее и положил на постель. Ложка крепкого коньяку заставила ее открыть глаза.

Через несколько минут в печи пылал огонь. Кнут снял с жены временную перевязку и наложил новую. Раны были глубокие, а Кнут вовсе не был искусным врачом, но по лицу Карин не было видно, чтобы она страдала. Напротив, лицо ее сияло счастьем. Несмотря на самый заботливый уход, ей пришлось три недели пролежать в постели...

Все это время Кнут с утра до ночи был на ногах. Ему приходилось работать за повара, за врача, за хозяйку, да кроме того, надо было следить и за ловушками. Но за работой он забыл свою тоску — его потянуло к людям. Он был спасен, потому что теперь ненавидел одиночество...

Когда настало лето, они отнесли всю добычу в катер. Свежий норд-

ост отнес их от плоского мыса и вывел из Горнзунда. Они прошли мимо сотен маленьких шхер и островов, на которых гнездились тысячи чаек и гагар, наполнявших воздух криком.

Катер вышел в открытое море. Карин стояла у руля. Она была за матроса и за повара. Мальчика Кнут обязал крепкой холстиной, чтобы он не свалился за борт. Он сидел на люке и смотрел на двух молодых лисичек, которые бегали и играли на палубе.

Ветер не падал и вскоре пронес их мимо Медвежьего острова. Через три дня катер вошел в Тромсефиорд. Заросшие редкими березками светлые склоны и зеленые лужайки приветствовали путешественников.

Когда все шкуры были проданы, Карин сказала:

— Знаешь что, Кнут, давай продадим и катер тоже. Не нужно тебе больше ездить на Шпицберген... Мне больше не привезти тебя оттуда...

И они продали катер и живут теперь на одном из маленьких островков, далеко-далеко в море, но все-таки видят и людей — если погода ясная и подзорная труба под рукой...

зием фабулы, но и тем, что повествование тесно переплеталось в ней с событиями, живо интересовавшими тогда всех французов. Воздухоплавание как раз было в центре общего внимания; на очереди стояла задача придать азростат-там управляемость.

Африка также была у всех на устах, потому что капиталистическая Франция вела тогда военные действия в Сенегамбии, а газеты сообщали о разведочных экспедициях Ливингстона, Слика и Гранта, углубившихся в дебри Черного материка. И вот, по воле изобретательного романиста, над недоступными пространствами Африки пронесится управляемый воздушный шар и обозревает ее тайны с высоты птичьего полета.

Не успела замолкнуть молва, восхвалявшая новый роман, не успело остыть у читателей чувство изумления, как появляется новое произведение того же автора, еще более необычайное по содержанию. На этот раз герои романа уехали читателей в «Путешествие к центру земли» (1864 г.).

Последние успехи геологической науки быстро сделали, благодаря этому роману, достоянием широких кругов читателей; люди всех поколений — от юной до старцев — лихорадочно читали это талантливое произведение, а критика единодушно признала, что на литературном горизонте появилось новое и яркое дарование.

Изобретательность романиста, повидимому, не имела пределов: одно за другим появлялись его произведения, каждое с небывалым, оригинальнейшим сюжетом. За путешествием в недра нашей планеты последовал (1865—70 гг.) полет в атомной бомбе на Луну, — полет, изобилующий множеством поучительнейших научных подробностей.

В «Путешествии» капитана Гаттераса (1866 г.) Жюль Верн приковывает внимание читателя к таинственной, тогда еще не достигнутой точке северного полюса.

В «Детях капитана Гранта» (1868 г.) неиссякающее воображение автора совершает со своими героями полное интересное путешествие через материк и океаны кругом всего земного шара.

В следующем романе — «80.000 километров под водой» (1870 г.) — кругосветное путешествие совершается уже в электрической подводной лодке, открывшей своим пассажирам феерические картины жизни в подводных глубинах — за несколько лет до того, как тайны глубоководной фау-

ЖЮЛЬ ВЕРН

К столетию со дня рождения

Очерк Я. Перельмана

I.

В 1863 г. внимание французской читающей публики привлек к себе роман, совершенно исключительный по содержанию. Яркое и увлекательно рассказывалось в нем о полете над неисследованными дебриами Африки на управляемом воздушном шаре. Это было в то время настолько необычайное, что роман поверг в недоумение и читателей и критиков. Читатели не знали, вымысел ли перед ними, или правдивый отчет о действительном путешествии;

критики же затруднялись отнести это своеобразное произведение к определенному роду литературы: оно не подходило ни под какой привычный образец.

Роман называется «Пять недель на воздушном шаре» и был подписан именем Жюль Верна, до тех пор известного лишь в небольшом кругу театралов своими комическими пьесами и стихотворениями.

Успех романа был так же необычаен, как и содержание; его жалко читали и горячо рекомендовали друг другу. Литературная новинка привлекала не только своеобраз-

Жюль Верн в возрасте 49 лет.

ны были в действительности раскрыты научной экспедицией корабля «Челленджер».

Так блистательно загорелась звезда писателя, которому суждено было быстро приобрести симпатии читателей во всем мире. В течение сорока слишком лет он продолжал каждый год или полгода выпускать в свет новые романы, всегда имеющие ту или иную научную подкладку.

Это было словно возрождение пленительных сказаний «Тысячи и одной ночи», в которых, однако, сказочные волшебства заменились чудесами науки; перед читателями создавался своеобразная энциклопедия географических и естественно-научных знаний в форме серии увлекательных романов.

Не было уголка цивилизованного мира, где не зачитывались бы романы Жюль Верна. Это едва ли не самый популярный и самый интернациональный из писателей; его произведения переведены на все живые языки, не только европейские, но и внеевропейские: китайский, японский, арабский и др. Юный индус, патангес или папуас, приобщенный к цивилизации, читает Жюль Верна с таким же увлечением, как и молодежь Италии или Англии. Число экземпляров его сочинений, рассеянных по свету, с трудом поддается учету.

На русском языке их выпущено было, без сомнения, свыше 5 миллионов; на немецком — по данным издательства, печатавшего переводы — более миллиона. Во Франции многие романы Жюль Верна выдержали уже по 40, по 50 и 60 изданий. Общее число экземпляров, отпечатанных на всех языках, должно исчисляться сотнями миллионов, — рекорд, которым не может похвалиться, вероятно, никакой другой писатель.

В нынешнем году, 8 февраля, исполняется ровно сто лет со дня рождения этого поэта науки и технического прогресса. И хотя миллионы людей в течение десятков лет с любовью читали и перечитывали его произведения, личная жизнь их автора мало кому известна.

Жюль Верн избегал рекламы, и о жизни его писалось мало.

Жюль Верн, изображенный художником и образе профессора Ароанкса — героя романа «80000 километров под водой».

II.

Сохранилось подлинное метрическое свидетельство писателя, из которого явствует, что Жюль Верн родился в городе Нанте, во Франции. Отец его был местный юрист. «Просматривая список моих предков, — говорил писатель, — я нахожу среди них либо юристов, либо военных, либо моряков».

Молодой Жюль предназначался отцом в юристы и, по окончании средней школы в родном городе, был отправлен изучать юридические науки в Париж. Здесь, на 21-м году жизни, он получил диплом юриста, и в том же году проявилась склонность будущего писателя к литературной деятельности: из-под пера его вылился первый рассказ: «Маяк на Луаре» (родной его город Нант стоит на этой реке).

Любимым чтением юного Жюль в школьные годы были романы Фенимора Купера, воспитавшие в нем страсть к рискованным странствованиям. Особенно сильное впечатление оставили в нем морские романы Купера. Глядя на тысячи кораблей, прибывавших в Нантский порт и снова отправлявшихся в дальнее плавание, он мечтал о море и морских приключениях.

Возмужав, Жюль Верн оставил свои мечты о море (оставил лишь временно, как мы увидим позднее) и отдался другой своей страсти — литературе. Получив диплом юриста, он, вместо юридической практики, поступил на службу секретарем директора двух парижских театров: Комической Оперы и Лирического. К этому времени относится дружба его с известным впоследствии писателем Дюма-сыном, бывшим всего на несколько лет старше Ж. Верна и имевшим на своего друга большое влияние. Небольшая веселая комедия в стихах была первым опытом Жюль Верна на поприще драматурга.

Дома-сын ввел его в дом своего знаменитого отца, где Жюль Верн имел возможность познакомиться с многочисленными представителями литературного мира Франции, собиравшимися под шумным и гостеприимным кровом прославленного автора «Трех мушкетеров». Под влиянием Дома-отца Жюль Верн написал пьесу для исторического театра, за которой последовало несколько одноактных опереток (он обладал и незаурядным музыкальным дарованием).

Эти первые литературные шаги плохо обеспечивали писателя материально, и ему пришлось поступить на службу в банкирскую контору. В новой должности, чуждой его склонностям, Жюль Верн пробыл целых десять лет. Впрочем, он и здесь не оставил своей литературной деятельности. Более обеспеченная жизнь давала ему некоторый досуг для побочных занятий. Он написал несколько рассказов, — пока еще не того «жюль-верновского» жанра, которым он прославился впоследствии.

В этот период своей жизни Жюль Верн тесно сблизился с замечательным человеком, несомненно проявившим и дальнейшее развитие его дарования. Это — парижский журналист Феликс Турнашон, более известный под псевдонимом Нада-ра, восьмью годами старше Жюль Верна.

По пылкому характеру и бурной жизни Надар был словно реальным воплощением типичного «жюль-верновского» героя. Побывав секретарем строителя Суэцкого канала Лессепа, Надар занялся живописью, потом стал карикатуристом, затем открыл, в 1852 г., фотографическое ателье, — одно из первых в мире по вре-

Жюль Верн с женой.

мени возникновения. Но беспокойная натура влекла его все к новым и новым поприщам: спустя два года мы видим его уже деятельным работником воздухоплавания, одушевленным грандиозными замыслами.

В 1863 году Жюль Верн вместе с ним совершает подъем на заростате. Читатель романа «Из пушки на Луну» могут узнать многие черты этого предпринимчивого человека в личности Мишеля Ардаана, имя которого не случайно составляет анаграмму (перестановку букв) имени Нада-ра.

Постепенно в литературных опытах Жюль Верна начинает сказываться будущий автор «Капитана Гаттераса» и других «Необыкновенных путешествий», как названа издателем серия его научных романов. Позднейшие его рассказы этого периода часто носят следы нечистоты автора в области естествознания. Таковы «Зимовка во льдах», «Мартин Пап», «Драма в воздухе» — небольшие, но уже вполне зрелые литературные произведения.

III.

Истинное свое призвание Жюль Верн открыл в себе в 1862 г. Однажды, прогуливаясь с друзьями, он неожиданно объявил им:

— Я напал на мысль. Сейчас я пишу роман в совершенно новом роде, нечто крайне своеобразное. Если он удастся мне, это будет значить, что я напал на золотую жилу. И тогда я стану писать исключительно такие романы.

Приятели рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь, друзья! Посмотрим, кто будет смеяться последний!

В конце 1862 г. Жюль Верн принес издателью (Гетшелю) рукопись «Пять недель на заростате». Жюль Верн в самом деле «напал на золотую жилу», потому что успех этого первого романа далеко превзошел мечты автора. Издатель оказался человеком дальновидным и поспешил заключить с автором договор, согласно которому Жюль Верн должен был в течение 20 лет писать по два романа в год в том же жанре. Этот странный договор добросовестно исполнялся романстом до самой смерти, т.-е. не 20 лет, а 41 год.

«Пять недель на заростате» появилось, как мы уже знаем, в 1863 г. и начало се-

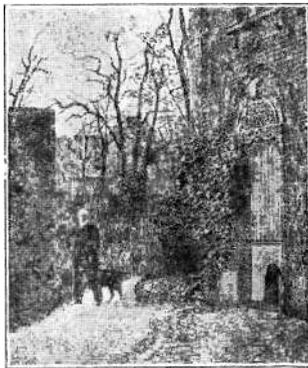
бою длинную серию географических и естественнонаучных романов. Все последние романы публиковались в французском двухнедельнике для юношества «Журнал поучения и отдыха» — одним из трех соиздателей которого сделался Жюль Верн.

В сущности, он был душой издания, потому что журнал родился при его содействии и прекратился вместе с его смертью. Романы печатались по одной главе в каждом номере журнала, украшенные тщательно исполненными гравюрами. То, что они предлагали читателям по главам, а промежутками в две недели, объясняет нам некоторые особенности этих романов, — напр., присутствие в них зачастую целых страниц, посвященных географическим и естественно-историческим описаниям. Утомительные, пожалуй, в отдельной книге, страницы эти в журнале не пропускались нетерпеливыми читателями, а прочитывались внимательно, быть может и не один раз, так как до следующей главы оставалось достаточно времени. Образовательная цель романов достигалась поэтому в полной мере.

«На место чудес старых волшебных сказок Жюль Верн ставит новые чудеса,— писал непреходящий секретарь Академии.— Новейшие успехи естественных наук составляют главное содержание его произведений. Искусно поддерживаемый интерес служит у него целям образовательным. Узнав с удовольствием много поучительного, читатель, по прочтении его сочинений, испытывает желание уз-

нать еще больше: они будят научную любознательность».

Жюль Верн не оказался в числе «бессмертных» французской Академии только потому, что он сам отклонил эту «честь».

На прогулке в саду.

когда она ему была предложена на 73-м году жизни; он не желал в преклонном возрасте подвергаться утомительным формальностям, связанным с избранием.

(Окончание в след. №)

Острова драконов

Очерк Глоба Михайленко

В 1912 году голландский естествоиспытатель Оуэн отправился с острова Ява в научную экспедицию на Меланезийские острова. Среди этого малоисследованного архипелага ему посчастливилось открыть островок Комодо — осколок доисторических времен, населенный последними по-

Голова ящера-дракона с острова Комодо.

томкам рептилий или пресмыкающихся, составлявших некогда единственное население земли в дни ее далекой юности.

Последовавшие затем годы войны и мировой разрухи отодвинули на задний план вопросы науки, и только недавно американский Музей Естественной Истории предпринял вторую экспедицию для детального исследования открытия проф. Оуэна.

Остров Комодо принадлежит к группе Малых Зондских о-вов. Происхождение его вулканическое. В незапамятные времена он поднялся из глубин океана в итоге ряда подземных толчков и извержений подводных вулканов. При этих извержениях лава, выбрасываемая из недр земли, подымалась с каждым разом все выше, пока не образовала ожерелье островов на протяжении 4 800 километров от о. Суматры до Филиппинских о-вов.

Почти вплотную к о. Комодо примыкают еще два острова — Бали и Ветар. Однако, и растительность и животная жизнь этих островов не имеют ничего общего с о. Комодо — «Островом Драконов».

Все три островка хорошо защищены от несверных глаз капиталистов коварной леной буржуа, и обыкновенные торговые суда в эти места заходить не отваживаются. Первый остров по пути — Бали — итрусческой царство кокосовых пальм и экзотической природы. Населен он сравнительно культурным народом малайского племени, изумительным по красоте типа. Отсюда до Комодо недалеко, но крутизна береговой линии, а также первобытная дикость громождающихся скал и утесов и непроходимые джунгли мало привлекали сюда жадных чужестранцев.

Испокоен веков о. Комодо пользовался незавидной репутацией, и еще в отдаленные времена раджа острова Сумбава ссылал сюда каторжников, которые и образовали полудикое по культуре, но довольно чистое по типу население.

Гигантские ящеры-драконы, найденные на острове еще в 1912 г. Оуэном, явились

тем магнитом, который потянул американских ученых на негостеприимные и подчас жуткие берега Комодо. Драконы эти имеют около 4 метров длины и вес до 100 килограммов. Ученые относят их к виду пресмыкающихся, появившихся в ранний эоценовый период, около 60 миллионов лет назад. Таким образом эти драконы действительно не только самые большие, но и самые древние представители мира пресмыкающихся в наши дни.

Один вопрос интересует естествоиспытателей, не находящихся на него ответа: остров Комодо геологически моложе, нежели период, когда этот вид рептилий исчез с лица земли. Каким же образом и откуда могло появиться это первобытное животное на сравнительно молодом острове?

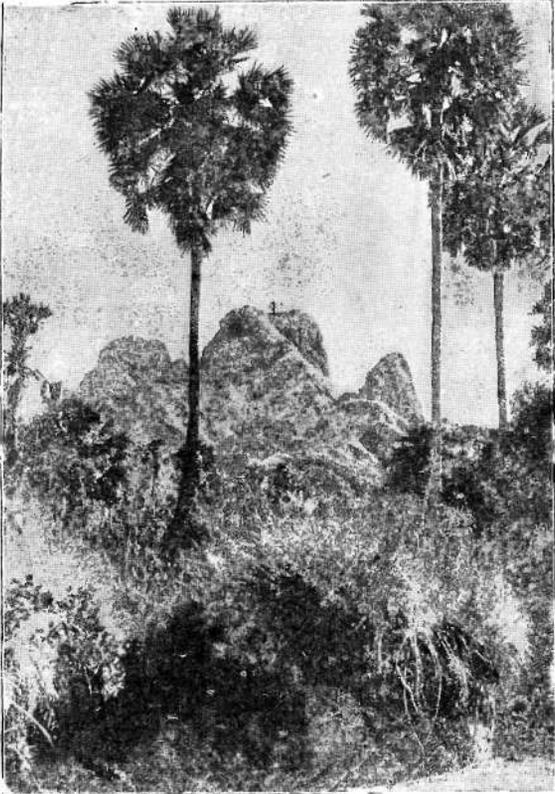
Во всяком случае, драконы о. Комодо сохранили и кошмарную внешность, и кровожадные привычки своих далеких предков — динозавров. Все длинное, неуклюжее тело покрыто броней из чешуи, при чем под каждой чешуйкой находится еще пластинка из кости. Однако, эта «броня» недостаточна для защиты мускулистых от оружия XX века: пули пробивают броню, и ящер околевает, при чем любопытно то обстоятельство, что немедленно после ранения плуей кожа съживается, и тело дракона становится похожим на мешок, из которого выпустили воздух.

Все эти ящеры — хищные звери, прожорливые и жадные до такой степени, что вкусная приманка заставляет их забывать об опасности. Поэтому членам экспедиции удалось наловить много живых экземпляров и благополучно доставить часть их в зоопарк Нью-Йорка. Однако здесь судьба их была не столь благополучна, ибо через полгода они переходили все до одного.

Европейцы с отвращением расскаывают, как пожирает дракон свою добычу. Не забывая о том, чтобы умертвить ее, или просто не доходя до этого сооружив своим тупым умом, он жадно начинает вырывать куски мяса у живой, дико ревуя добычи острыми загнутыми пилообразными зубами и глотает их це-

Тело убитого дракона обвисает как мешок.

Гигантские пальмы на острове Комодо.

ликом, с шерстью и костями. Поэтому в дальнейшем члены экспедиции клали на приманку убитых диких кабанов.

Для туземцев драконы эти — гроза. Редко кто отваживается уходить далеко в джунгли или в узкие лабиринты ущелий с отвесными скалами из лавы. На каждом повороте может оказаться чудовище, от которого трудно спастись, ибо, несмотря на внешнюю неуклюжесть, оно бежит по острым камням горных ущелий и плоскогогорий скорее и ловчее, нежели человек.

***

Экспедиция, насчитывавшая в своем составе и одну женщину — жену руководителя профессора Вердена — высаженная на «Острове Драконов», доставленная сюда яхтой голландского губернатора о-ва Ява. Сразу же на берегу американцы столкнулись с отрядом пресмыкающихся, обратившихся в бегство после первых выстрелов. Туземцы с благоговением рассматривали невиданные ими ружья, нагнавшие трепет на «господина скал», как

они называют дракона. Для них этот ящер — то же, что и тигр для жителей джунглей Индии. Они безопорно подчиняются тому, что зверь похирает их близкая, не пытаются бороться, а только избегают встреч с ним.

Вдоль всего побережья высятся гигантскими часовыми огромные пальмы, по сравнению с которыми человек не больше котенка. Однако туземцы искусно, не боясь головокружения, лазят на вершину пальм за плодами, которые они сбрасывают или спускают вниз в плетенках на веревках из лиан.

Экскурсии по острову крайне затруднительны. Если вы проберетесь через густую заросль джунглей, прорубая узкий коридор топориком, если по дороге вас не укусит местная зеленая гадука, укус которой правда не смертелен, но крайне болезнен, то предел прогулке будет скоро поставлен громадами скал, нагроможденных в самом диком хаосе.

Экспедиция пробыла на острове 5 недель и выстроила себе при помощи туземцев хижины местного типа: на сваях,

крытые пальмовыми листьями. Однако и свая не спасли от непрошенных гостей: то и дело в комнату с крыши сваливались ящерицы, зеленые гадуки, сороконожки, скорпионы, стоножки и другие гады. Члены экспедиции собрали целую коллекцию их, не выходя из хижины.

Жизнь на острове не являет вообще достаточных гарантий безопасности. Помимо драконов и ядовитых насекомых, туземцы часто страдают от землетрясений и извержений вулканов. Так, недавно была уничтожена целая деревня, залитая слоем лавы толщиной в 10 метров...

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПОЖАР НЕБОСКРЕБА

Не так давно обитатели Нью-Йорка могли видеть редкое зрелище: пожар небоскреба. На башне огромного строящегося 38-этажного здания на высоте 23-го этажа вечером загорелись деревянные леса, покрывавшие дом со всех сторон. Пламя быстро распространилось кверху до высоты почти 170 м от земли, осветив значительную часть города.

Огромная высота здания и отсутствие подъемников препятствовали подаче воды наверх, и пожарным пришлось ограничиться лишь тушением горящих балок и досок, падавших во множестве на крыши прилегающих зданий и улиц. Самое здание мало пострадало от огня. Общий убыток от пожара не превышал 50—60 тыс. долл., сумма относительно малозначительная в сравнении с общей стоимостью здания — 10 милл. долл. (ок. 20 милл. руб.).

Вл.

САМОЕ БОЛЬШОЕ НА ЗЕМЛЕ ИСКУССТВЕННОЕ ОЗЕРО.

Алабамская Электрическая Компания в Соед. Штатах, соорудившая на р. Талавузе (притоке р. Алабамы) большую гидроэлектрическую станцию в 135.000 киловатт, с целью наилучшего регулирования поступления воды запрудила реку бетонной плотиной длиной в 600 м и высотой в 60 ж. В результате получилось огромное искусственное озеро с поверхностью в 250 кв. км и шириной местами до 30 км. Озеро заключает в себе 2 1/2 миллиарда куб. метров воды.

Стоимость сооружения станции — 20 миллионов долларов.

— Б.

САХАР ИЗ ХЛЕБА.

Департамент земледелия Соед. Шт. Сев. Америки разрабатывается вопрос о получении сахара из зернового крахмала в промышленном масштабе.

Америка потребляет в год 5 миллионов тонн сахара, значительная часть которого возится в Соед. Шт. из других стран. Бюро химической промышленности доказывает, что можно обойтись без этого ввоза, путем переработки в сахар имеющегося в Америке в изобилии зернового крахмала, и что один урожай хлеба, переработанный на сахар, мог бы удовлетворить потребность Америки в сахаре в течение 50 лет. Я.Г.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

1. Остров погибших кораблей.
 2. Последний человек из Атлантиды, А. Беллер — 2 увлекат. романа в одной книге — 31 стр. Ц. 2 р. 30 к.
 3. Звери джунгли Дурова. Красочные рассказы Дурова о своих животных и зверях. С множеством рисунков. 268 стр. Ц. 2 р. 50 к. в перепл.
 Под солнышком трюмиков. Гончарова — почти сказочные приключения Петяны в Австралии. В 4-х част. с рисунк. 312 стр. Ц. 2 р.
 Приключения под трюмками — Каринцев. 112 стр. Ц. 80 к.
 Человек огни. Роман-приключение Сальгари. 381 стр. Ц. 1 р. 85 к. в шпале.
 Радио-моя! — Роман. 180 стр. Ц. 1 р. 35 к.
 Остров Наски. Ан. Армандо — Увлекательнейший роман. 3 части. 324 стр. Ц. 2 р. Бусенар. Тайна золота — роман. 203 стр. Ц. 85 к.

ПРИ ЗАКАЗАХ ОТ 5 РУБ. ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.
 Высылаем нал. плат. без задатка книжный магазин "ТРУД", Москва, центр, Мовчан д. 15А.

ВЫПИСЫВАЙТЕ

ПО ПОЧТЕ

МУЗЫКА

БАЛАЛАЙКИ
 5, 50, 6, 6, 25, 6, 75, 7, 80, 8, 65, 9, 60, 13, 15, 18, 20 и 25 р.

ГИТАРЫ
 15, 18, 19, 22, 26, 30, 35, Кош. 40, 50.

МАНДОЛИНЫ
 15, 19, 20, 30, 35. Кош. 40, 50, 70.

ГАРМОНИИ
 35, 40, 55, 75, 90, 110, 130 и 150 р.

ГРАММОФОНЫ
 50, 75, 80, 95.

ПИОНЕР. БАРАБАНЫ
 15, 16, 19, 25.

ГОРНЫ
 17, 19, 22, 27, 30.

Местными, клубам и коллективам скидки 1/2. Заказы исполняем немедленно. Заказ 29%, остальные наложенным платежом. Полный иллюстрирован. прейскурант высылается за 2 почтовых марки.
ПОЧТ.-МОСЫЛ. БЮРО
 Москва, Г.л. Почт., вып. 1031.

24 КНИГИ по 160 страниц — 24
ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ
 по 2 книги в месяц, всего за год около 4.000 страниц.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ: А. Дюма, Ч. Диккенса, В. Скотта, Р. Хаггарда, Г. Звереса, В. Гюго и др. популярных авторов.

1 книгу известн. романиста **А.Фадеева, "РАЗГРОМ"** 1 (около 300 стр.).
 4 №№ "Женского Журн." 4
"Четыре Сезона" 4
 12 **МНОГОРАСЧОЧНЫХ КАРТИН** 12

КАЖДЫЙ может в 1928 году получить за 12 руб. 50 к. подписавшись НА ГОД

1 том (около 60 новых юмористических рассказов) **ИМХ. ЗОЩЕНКО** 1
 12 №№ **ЖУРНАЛА** 12
 "МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ" 12
 12 книг литературно-художественного журнала 12

Допускается **РАССРОЧКА**
 При подписке — 4 руб., 15 марта — 3 руб. 50 к., 15 июня — 3 руб. и к 15 сентября — 2 руб.

НА **ЖУРНАЛ "30 Дней"** по 2-му абонементу.

ПОДПИСУЙТЕ И ДЕНЬГИ ВЫСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ: Москва, Ильинка, 15, АКЦ. ИЗД. О-во "ЗИФ".

По 1-му абонементу (за 8 руб. в год) подписчики "30 ДНЕЙ" получают все вышеперечисленное за исключением "БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ".

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по устаревшим методам. Изучаются при помощи новейший метод Мертиера не требующий заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого языка, состоящий из 16 выпусков, в обработке Б. Шмелера, из Гос. Ученых Советов, высылаются за 2 р. 35 к. Такой же английский самоучитель (пр. грамм.) выс. за 3 р. 15 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, д. 22/15. Книжки по 2 р. 50 к. "Прояснение".

НЕОТРИМ ГЛАЗ

Подгода — 2 р. Специальная краска для волос голубого — 4 р. 50 к.
"ХИНАЛЬ" — сложное химич. спирт для волос, рациональное средство против перхоти и выпадения волос. Цена 1 фл. — 3 р. 50 к.
"ФЛОС-ОСВАЛЬД" — наилучший ЛАН, дающий идеальный блеск ногтям в течение трех недель. Пробир — 2 руб. Любой предмет высылается налож. платежом.
 Лаборатория **"ОРЭЛЬ"**, Москва, Тверская, 63/В.

"БАСМА-ХЕНЗ"

индийский, моментально окрашивает волосы бровей, ресниц, усов и губ. Цвет, не смывается мылом 4-5 недель. Не пачкает лица, платья, не отливает в волосы от прикоснов. безвреден. Кисточка в голд — 3 р., в серебр. — 4 р. 50 к.
"ФЛОС-ОСВАЛЬД" — наилучший ЛАН, дающий идеальный блеск ногтям в течение трех недель. Пробир — 2 руб. Любой предмет высылается налож. платежом.
 Лаборатория **"ОРЭЛЬ"**, Москва, Тверская, 63/В.

УЧИТЕСЬ ДОМА

без помощи учителя **БУХГАЛТЕРИЯ**
 Преподавание ведется путем высылки спец. составлен. уроков, задач, упражнений и докладов, разъяснений на вопросы учащихся. Полная подготовка к службе в качестве бухгалтера или счетоводца.
 Подробн. сведен. высылаю за две 8 коп. марки.
 Письма адресовать преподавателю коммерческих наук А. А. БУНИНУ, Ленинград, 22, Лихтинская ул. 32/17.

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год** **ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ**
 на **ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ**

В 1928 Г. ПОДПИСКА НА "ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ" РАСПАДАЕТСЯ НА 2 АБОНЕМЕНТА:

1-й АБОНЕМЕНТ (за 6 руб.):

12 № № **"ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА"** — ежемесячного богато иллюстрированного журнала путешествий, краеведчества, приключений, охоты и научной фантастики. Обложка печатается в 6 красок (оберт).

24 № № **"ВОКРУГ СВЕТА"** — двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе.

12 № № **"ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА"** — первого специального журнала посвященного туризму, подому и горному туризму как в СССР, так и за границей. Содержит наиболее интересные рассказы и занимательные путевые очерки туристов; как и где путешествовать по суше, морю, озерам, рекам и в горах; интересные и дешевые маршруты; масса рисунков с натуры, фотографий и карт.

12 двойных таблиц **"ГАЛЕРЕЯ НАРОДОВ СССР"** — 12 изображающих характерные типы женской, одежды, жилища, орудия производства, утварь и пр. — различных народов СССР (печатается в 6 красок на пос. стр. обл. "Следопыта").

2-й АБОНЕМЕНТ (за 10 руб.):

В этот абонемент входит, кроме всего перечислен. в 1-м абонементе, —

24 КНИГИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ 24
ДЖЭКА ЛОНДОНА

С портретом и биографией.

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности является фундаментальным изданием в библиотеку каждой семьи, школы и клуба, издано-читальн. (Всё издание — 48 книг — рассчитано на 3 т.: 1928—1929).

Содержание 24-х книг (романы, повести, рассказы):
 Сердца трех. — Джерри Островитини. — Майкель — брат Джерри. — Рассказы Рыбачего патруля. — Северная Одиссея. — Смык-Бельмо. — Путешествие на "Снарке". — Дорога. — Привлечение. — Межзвездный скакунец. — Зов предков. — Бельм — Сила сильных. — Принцесса. — До Адама. — Азия чума. — Сын солнца. — Морской волк. — Дочь снегов. — Игра. — Первобитый зверь. — и др.
 Всего в 24-х книгах — около 3500 страниц.

1-й АБОНЕМЕНТ:

на год — 6 руб., на 6 м. — 3 р. 25 к., на 3 м. — 1 р. 75 к., на 1 м. — 60 к.
 Для подписчиков по 2-му абон. (при усл. подл. НЕПОСРЕДСТВЕННО из Изд-ва) предоставляется **РАССРОЧКА**: при подписке — 3 р., к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

2-й АБОНЕМЕНТ:

(с приложением Дж. Лондона) на год — 10 руб., на 1 мес. — 1 р.
 при подписке — 3 р., к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ (ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ): Москва, центр, Ильинка, 15. Акц. Изд. О-во "ЗИФ".

